

КАРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Изложена краткая история выделения и пересмотра содержания карымского этапа в развитии таежных обществ Западной Сибири. Хронология карымского этапа — раннее средневековье (IV — начало VI в. н.э. или рубеж III–IV — начало VI в. н.э.). Территория распространения карымских памятников — западные и центральные области таежного Приобья.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымские памятники, история изучения, хронология, территория распространения.

Введение

Минуло почти 80 лет со времени раскопок патриархом археологии и этнографии Тюменского Севера В.Н. Чернецовым первого памятника с керамикой карымского типа, более половины столетия с момента выделения им карымского этапа нижеобской культуры и три десятилетия после первого серьезного пересмотра его фундаментальной периодизации средневековых культур таежного Приобья. Предпосылкой для написания новых обобщающих работ по карымским древностям послужило завершение десятилетнего цикла изучения куста средневековых памятников на левобережье Сургутского Приобья — в низовьях Бол. Югана на протоке Сартымурый [Чемякин, 2001а, б; 2002; 2003а–г; 2005; 2006; 2008а, с. 93–94, рис. 91, 94; 2008б, в; 2011а, б; Чемякин, Морозов, 2006; Чемякин, Некрасов, 2007; Чемякин, Фефилова, 2007, 2009; Фефилова, 2008, с. 284; Фефилова, Чемякин, 2008, 2009; Чемякин, Борзунов, 2012]. Целенаправленные полевые исследования, вызванные активным хозяйственным освоением территории, резко расширили источниковую базу по интересующему нас культурному образованию, дали бесспорные, практически «чистые» карымские комплексы, что позволило существенно скорректировать характеристику этих древностей и расширить представления о начале средневековья в регионе.

Данная статья открывает цикл исследований авторов по карымской проблематике. В ней изложена краткая история выделения и пересмотра содержания карымского этапа в развитии таежных обществ Западной Сибири. В следующих публикациях представим уточненную характеристику карымских памятников и карымского общества Сургутского Приобья на фоне общего анализа всех карымских древностей западно-сибирской тайги. При проведении последнего будем активно пользоваться обобщающими работами ведущих специалистов по этой тематике, прежде всего В.Н. Чернецова, В.М. Морозова, Н.В. Федоровой, А.П. Зыкова, К.Г. Карачарова.

История исследования и хронология карымского этапа

Карымский этап нижеобской культуры выделен В.Н. Чернецовым по второй группе керамики многослойного городища Ус-Толт (Городская Пристань, Карымское, Карым I), обследованного и частично раскопанного им в 1933 г. у п. Карым (Харом-Павыл) на р. Харом-Я (Карым-я) в бассейне Юконды (левый приток Конды). Для датировки карымских древностей, помимо серии бронзовых отливок, найденных в разных местах Нижнего Приобья и бассейна Конды, ученый привлек материалы Козловского и Перейминского могильников, открытых на оз. Андреевском в окрестностях Тюмени. При этом первый памятник по находкам керамики он причислил к «кругу культуры карымского этапа», а второй — «к другой, хотя и родственной культурной группе» [Чернецов, 1957, с. 138–147, 160–185, рис. 2–4, табл. IX, X, 1–3, XI, 1, 8, XII, XIII, XVIII]. Памятники карымского этапа вошли в разработанную им общую периодизацию древностей II–XIII вв. н.э. таежной зоны Западной Сибири. Последовательность этапов в ней такова: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.) [Там же, с. 136–245].

Памятники с карымской керамикой выявлены в Нижнем и Сургутском Приобье, бассейне Конды, западной части Обь-Иртышского междуречья, Среднем Прииртышье и Нижнем Притоболье. Тем не менее до недавнего времени хронология карымского этапа базировалась только

на датах трех южно-таежных курганных могильников с находками карымской посуды — позднесаргатского Ипкульского (вторая половина III — IV в.) и Козловского (V в.) в Тюменском Притоболье, а также Усть-Тара VII (конец IV — V в.) в Среднем Прииртышье [Федорова и др., 1991, с. 131; Скандаков, Данченко, 1999; Матвеева, 2008; Зыков, 2006а, с. 113].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. предложенную В.Н. Чернецовым периодизацию пересмотрели свердловские археологи. Не вдаваясь в подробности, отметим, что памятники яраслинского этапа были выведены за рамки средневековья и ныне рассматриваются как позднекулайские. Зеленогорские древности, отнесенные В.Н. Чернецовым к началу раннего железного века [1949, с. 67–74; 1953, с. 63–71], определены как средневековые. Оронтурский этап, представленный разновременными и разнокультурными комплексами, исключен из типологии. Кроме того, предложили отказаться от понятия «археологическая культура» и рассматривать средневековые памятники северо-запада Сибири в системе обь-иртышской культурно-исторической общности (далее — КИО). Последняя имела иной хронологический диапазон и была разделена на пять этапов: карымский (IV–VI вв.), зеленогорский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII — IX вв.), кинтусовский (конец IX — начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XIV вв.) [Федорова и др., 1991, с. 131–143, рис. 2, 3]. В тезисах 1993 г., посвященных данной общности, А.П. Зыков и Н.В. Федорова изменили хронологию этапов и датировали карымский III–IV — началом VI в. [1993, с. 66]. В отличие от своих коллег, В.М. Морозов при анализе карымских древностей Нижнего Приобья продолжал использовать датировку В.Н. Чернецова [Морозов и др., 1995, с. 10–11].

Впоследствии все эти этапы К.Г. Карачаров без развернутого обоснования заменил культурами с теми же названиями, хронология которых в очередной раз была уточнена. Карымский этап (археологическая культура) датирован III/IV — началом VI в., зеленогорский — VI — концом VII/началом VIII в., кучиминский — концом VII/началом VIII — концом IX/началом X в., кинтусовский — X — концом XI/первой половиной XII в., сайгатинский — концом XI/XII — XV (XVI?) вв. Кроме того, в периодизацию была включена еще одна культура — вожпайская (конец IX — X в. либо вторая половина IX — вторая половина X в.), частично перекрывающая кучиминский и кинтусовский этапы [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–62; 2002, с. 44–65; Карачаров, 2006], выделенная в свое время Л.П. Хлобыстиным по результатам раскопок поселения Дюна III в Таймырском Заполярье [1993, с. 19–27]. Заметим, что сейчас получены материалы для датировки самых поздних сайгатинских древностей XVI в. [Борзунов, 2003, с. 137–163; Стефанов, 2003, с. 209; Зыков, Кокшаров, 2004, с. 330–331; Зыков, 2004, с. 333; Носкова, 2010, с. 331–339].

К сожалению, границы распространения памятников каждого этапа (культуры) исследователями не были четко обозначены, как не было установлено своеобразие отдельных территорий в рамках выделенных этапов или культур.

Удревнение карымского этапа было обусловлено двумя факторами: «плавающей» верхней хронологической границей кулайских древностей и уточнением времени бытования уникального культового комплекса с массой металлических изделий — Холмогорского «клада». Последний объект обнаружили нефтяники в 1976 г. у оз. Соры-лор в водоразделе правых притоков Оби и левых притоков Пура (ЯНАО, Пуровский р-н, 45 км к ЮЗ от г. Ноябрьска). С конца 1980-х гг. материалы «клада» (точнее, собрания вещей, уложенных в яму-погребение с четырьмя куклами-иттарма) неоднократно, вплоть до 2002 г., привлекались многими уральскими археологами для характеристики карымского этапа [Федорова и др., 1991, с. 130–133, рис. 2А, 11–14; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43, рис. 14, 3–7; 2002, с. 48, рис. 14, 3–14; Зыков, Федорова, 2001, с. 28–29, 145, рис. 3, 4]. Сейчас данный памятник определяется III–V вв. или концом III — началом IV в., а формирование коллекции его вещей относится к III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 53, 63, 145]. По оценке А.П. Зыкова, Холмогорский клад может быть связан с карымским этапом только гипотетически [2006а, с. 113], тем более что глиняной посуды в его составе нет. Кроме того, место обнаружения данного культового комплекса находится за пределами ареала карымских поселений и ни одна вещь из него не имеет бесспорных аналогов в материалах известных карымских памятников. В целом же вещи «клада» близки таежным позднекулайским, импортным пьяноборским, сарматским, сакским, хуннским, а также фоминским и более поздним западносибирским средневековым древностям. На наш взгляд, одна часть его предметов (биметаллические и железные кинжалы, железные топоры-тесла, бронзовые массивные наконечники стрел, котел, условно-антропоморфные личины, отдельные антропо-, зоо- и орнитоморфные изображения, круглые бляхи с концентрическим и шнуровым декором) отражает местные орудийный и культовый комплексы, а также художественный стиль и набор импортных изделий

позднего этапа развития кулайской КИО, другая (бронзовые прямоугольные бляхи с рельефами оленей и всадников, плоскоконические бляхи, некоторые зоо-, орнито- и антропоморфные фигуры, железное бронейное оружие, рубильные и хозяйственные ножи, палаш, детали доспеха, крупные пастовые бусы) — переход к раннему средневековью.

В настоящее время К.Г. Карачаров сузил хронологические рамки карымской культуры до IV–VI вв. [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 63], что в основном совпадает с современной позицией А.П. Зыкова (IV — начало VI в.) [2006а, с. 113] и авторов данной статьи. Наши представления о хронологии карымских древностей будут детально рассмотрены в следующих работах — при анализе вещевого материала карымских памятников таежного Приобья и результатов радиоуглеродного датирования поселений на протоке Сартым-урий.

Основанием для пересмотра К.Г. Карачарову послужили материалы могильника Агрнъёган 1, расположенного на р. Аган, притоке Тромъёгана, в окрестностях г. Радужного Нижневартовского р-на ХМАО. Этот сильно разрушенный памятник был случайно открыт в 2003 г. местными жителями. В 2004 г. К.Г. Карачаров и А.В. Носкова исследовали его остатки. В могильнике найден богатый набор местных таежных и импортных вещей: бронзовые антропоморфные личины, зооморфные отливки, круглые, антропо- и зооморфные бляхи, массивный наконечник стрелы, обломок эполетообразной застежки, фрагменты котла и чаши, биметаллический кинжал, железные наконечники стрел, наконечник копья, топор-тесло, фаянсовые и стеклянные бусы, костяная деталь упряжи и другие предметы [Карачаров, Носкова, 2006, с. 179–181; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62–71]. Керамика отсутствовала. По заключению К.Г. Карачарова, Холмогорский «клад» и Агрнъёган 1 одновременны и могут быть датированы первыми веками н.э. [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 71]. Комплексы со сходным инвентарем открыты в известном погребении 1 Барсовского III могильника на Барсовой Горе [Борзунов, Зыков, 2003, с. 103–112] и разрушенном захоронении у городища (укрепленного жилища) Нивагальское 20 на р. Аган [Карачаров, 2011, с. 82–110]. Предметный комплекс всех этих памятников символизирует наивысший расцвет общества кулайской эпохи, после которой наблюдается упадок материальной культуры местных племен. Кроме того, по представлениям К.Г. Карачарова, могильник Агрнъёган 1 является на Агане самым ярким памятником особого, переходного, периода (I–IV вв. н.э.) «от раннего железного века к средневековью» (по другой версии — «от железного века к средневековью»), который характерен и для всего Евразийского континента, включая Западную Сибирь. Переход к средневековью в таежном Приобье определяется исчезновением кулайских комплексов и появлением круга раннесредневековых культур, в том числе карымской, релкинской и зеленогорской [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62].

Мы не готовы детально обсуждать правомерность выделения вышеуказанного переходного периода и включения его в периодизацию археологических культур таежного Приобья. Обозначим только основные позиции по данному вопросу.

Во-первых, речь идет о двух разных периодизациях — археологической и общеисторической. При определении и характеристике переходного периода К.Г. Карачаров объединил их безо всякого на то основания, в нарушение законов формальной логики. Дело в том, что средневековье, являясь одним из основных этапов (формаций) развития человеческого общества, согласно археологической периодизации, — тоже железный век, но поздний. Если говорить о переходном периоде, то, согласно последней периодизации, он может быть между ранним и поздним железным веком, по общеисторической — между Древним миром и средневековьем. В последнем случае культуры севера Евразии входят в глобальный исторический процесс весьма специфично: на правах периферийных первобытных доклассовых и раннеклассовых обществ, синхронных государственным образованиям Старого Света. До начала железного века таежные коллективы функционировали при минимальном опосредованном воздействии со стороны цивилизаций Древнего мира. С развитием торгово-обменных отношений между Севером, Центром и Югом Евразии, включением на рубеже эр лесных областей Урала и Западной Сибири в систему континентальных торговых путей на правах поставщиков пушнины, это воздействие становится более осязаемым, экономически и социально значимым. Одним из последствий этого является социальное расслоение и начало классового образования в таежных обществах [Кокшаров, Зыков, 1995, с. 15, 18; Борзунов, Стефанова, 2001, с. 102; Борзунов, 2002, с. 93; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 71] — первый шаг к средневековью. Во-вторых, обозначенный К.Г. Карачаровым переходный период не является особым звеном в периодизации археологических культур Западной Сибири. Он только накладывается на общую хронологическую систему, подобно тому

как это происходит с переходом между эпохами бронзы и железа. В-третьих, в версии К.Г. Карачарова он практически полностью совпадает с заключительным этапом развития кулайской КИО раннего железного века. Между тем ранний железный век в западно-сибирской тайге, в отличие от евразийской степи и лесостепи, начинается фактически только в IV–III вв. до н.э., что соответствует началу кулайской «эпохи» и появлению здесь первых изделий из железа, причем исключительно оружия. На севере Западной Сибири железо начинает вытеснять бронзу только с рубежа эр [Кокшаров, Зыков, 1995, с. 13–14; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 68–69]. Учитывая это, переход от раннего железного века к позднему в таежном Приобье вряд ли мог начаться в I–III вв. н.э., практически сразу после появления единичных предметов из нового металла и первых признаков социального расслоения в общинах охотников-рыболовов. Мы полагаем, что он происходил в III–V вв. н.э. Не говоря уже о том, что производственные отношения, характерные для раннесредневековых обществ Европы, в коллективах сибирской тайги постепенно формировались с этого времени почти до конца I тыс. н.э.

Что касается предметов Холмогорского «клада» и могильника Агрнъёган 1, то они, как уже отмечалось ранее, характеризуют финал кулайской общности в Сургутском и Нижнем Приобье, а по ряду позиций, прежде всего железному вооружению, намечают тенденцию возможного развития таежных обществ в начале эпохи средневековья.

Насколько правомерно привлекать эти памятники для характеристики карымского этапа — вопрос сложный, но решаемый. На данный момент можно констатировать, что все материалы из раскопанных карымских поселений Сургутского Приобья выглядят ординарными, диссонируют с яркими позднекулайскими вещами Холмогор и Агрнъёгана 1 и не находят среди них аналогов. Последние объекты, в первую очередь Холмогорский «клад», могут быть синхронизированы с фоминской культурой Верхнего Приобья. По мнению сибирских коллег, она входит в состав кулайской КИО и датируется III–IV вв. н.э. [Ширин, 2003, с. 114, 158; 2004, с. 59, 62]. Уместно напомнить, что в одном из фоминских могильников (Усть-Абинский, погр. 11) найдена бронзовая накладка на ножны, в верхней части которой имеется рельефное изображение хвостатого оленя, близкое фигурам на холмогорских прямоугольных бляшках-плакетках [Ширин, 2004, с. 59–61, ил. 1, 3, 4]. С учетом этих данных, мы склонны согласиться с современными доводами А.П. Зыкова, К.Г. Карачарова и Ю.В. Ширина [Там же, с. 68] об исключении материалов Холмогорского «клада» из карымского культурного комплекса, несмотря на некоторые расхождения данных исследователей в культурно-хронологической оценке холмогорских находок.

В последние годы А.П. Зыков, один из авторов новой периодизации археологических культур таежного Приобья, предложил рассматривать объ-иртышскую КИО как совокупность средневековых культур и типов памятников Западно-Сибирской равнины, возникших на кулайской основе, точнее — локальных вариантов кулайской культуры или археологических культур кулайской КИО. В состав этой общности, по его представлению, входили нижнеобская, релкинская, верхнеобская и другие культуры, а также ряд более дробных образований и типов памятников. Как полагает А.П. Зыков, реабилитированная им нижнеобская культура охватывала практически всю таежную зону Северо-Западной Сибири и подразделялась на периоды (вышеупомянутые пять этапов), на каждом из которых можно проследить ее локальные варианты — территориальные группировки памятников. Основой периодизации является развитие керамики, как одного из наиболее точных индикаторов культуры, в данном случае — круглодонной глиняной посуды с фигурно-штампованной орнаментацией, синхронно и сходно эволюционирующей во всем ареале вышеупомянутой культуры. Среди других элементов нижнеобской культуры исследователем были названы домостроение, фортификационное зодчество, погребальный обряд, культовая практика и т.д. [Зыков, 2006а, с. 113; 2006б, с. 38–41]. Вместе с тем локальные варианты данной культуры А.П. Зыков пока не может определить, в том числе для древностей карымского этапа, непосредственно приходящих на смену кулайским.

Территория распространения карымских памятников

До проведения комплексного сравнительного анализа всех известных карымских памятников еще далеко, особенно с учетом того, что большая часть их пока не раскопаны. Однако уже сейчас можно предполагать локальное своеобразие карымских объектов как минимум Нижнего Приобья, Конды, Сургутского Приобья и западных территорий Обь-Иртышского междуречья, на которых существовали разные варианты или культуры кулайской КИО (нижнеобской, кондинский, сургутский). По нашему убеждению, восстановление объ-иртышской КИО и нижнеобской

культуры вполне оправданно. Вместе с тем для распространения границ нижеобской культуры на Сургутское Приобье нет достаточных оснований. Кроме того, «упразднить» другие территориальные культурные образования, составляющие эту общность, явно нелогично.

Перечисленные выше районы средней и северной тайги являлись основной территорией распространения карымских памятников — городищ, селищ, грунтовых могильников и металлургических комплексов (рис.).

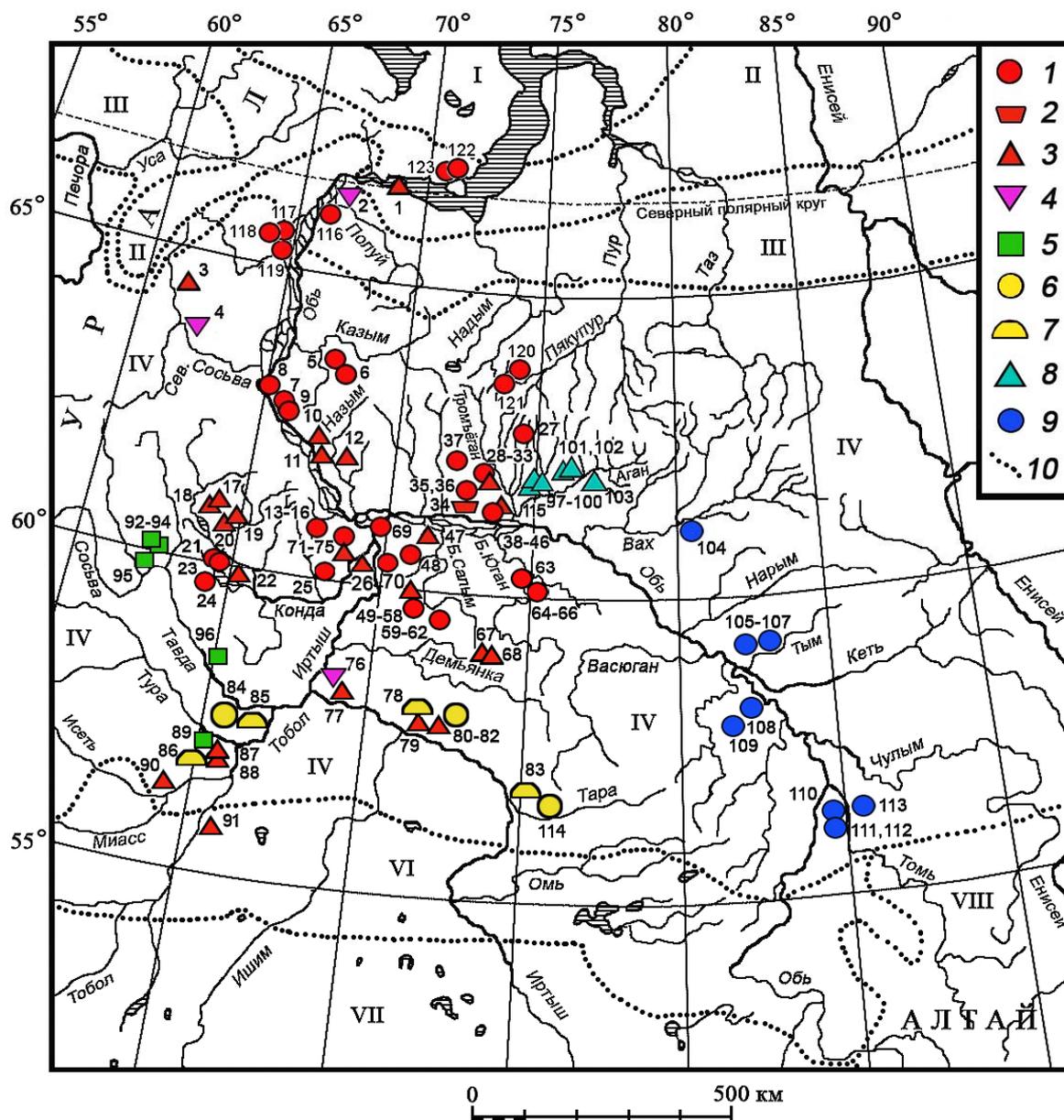

Рис. Карымские памятники раннего средневековья и их окружение (список см. в тексте):
 Условные обозначения: 1 — карымское поселение (городище, селище); 2 — карымский грунтовый могильник; 3 — места единичных находок карымской керамики; 4 — места единичных находок предполагаемых предметов карымского культового литья; 5 — памятники с туманской керамикой; 6 — южно-таежные поселения с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 7 — южно-таежные карымские и саргатские курганные могильники с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 8 — памятники с керамикой «аганского типа»; 9 — релкинские памятники с находками валиковой и желобчатой керамики; 10 — границы современных природно-климатических зон.
 Современные природно-климатические зоны: I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; VI — лесостепь; VII — степь; VIII — горные районы (широколиственно-лесная зона (V) на карте отсутствует)

Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория...

Список памятников (к рис.): 1 — поселение Солемала I (Салемал 1); 2 — мест. у Салехарда; 3 — гор. (пос.) Мань-Няслан-Тур (пос. Чэс-Тый-яг; пос. Вуграсян-Вад)*; 4 — мест. на Сев. Сосьве; 5 — гор. (пос.) Каксинская Гора IV (4)*; 6 — гор. Кислор III*; 7 — пос. Нангакорка*; 8 — сел. Перегребное IV*; 9 — сел. Низямы 3*; 10 — гор. Большеатлымское I (Атлим; Атлим-вош; городок Бол. Атлым); 11 — пос. Большие Леуши; 12 — гор. Устьевьюган; 13 — пос. Ендырское IV; 14 — пос. Ендырское VII*; 15 — пос. Хора I; 16 — гор. (пос.) Хора II; 17 — гор. Бол. Умытья I (гор. Шаманская Горка); 18 — гор. Бол. Умытья II (2); 19 — гор. Мал. Умытья II; 20 — пос. Неушья 1 (мог. Неушья 1.2); 21 — пос. Евра 25*; 22 — гор. Высокая Гора (Учинья I); 23 — металлург. площ. Ирия II (Ирья-2)*; 24 — металлург. площ. Полуостров Дальний-1*; 25 — гор. Ус-Толт (Карым I)*; 26 — мест. на Вербилском мысу; 27 — гор. Айка-Еган III; 28 — гор. Ермаково VIII; 29 — гор. Путчи-Урий III; 30 — гор. Русскинский Урий I; 31 — Русскинский Урий II; 32 — Русскинский Урий V; 33 — Русскинский Урий XIII; 34 — мог. Сайгатинский VI (ранняя группа погребений)*; 35 — сел. Кучиминское I*; 36 — сел. Кучиминское XXII*; 37 — пос. Быстрый Кульёган 66; 38 — гор. Барсов городок II/6; 39 — гор. Барсов городок II/7*; 40 — гор. Барсов городок II/9*; 41 — гор. Барсов городок II/10*; 42 — сел. Барсова Гора II/3; 43 — сел. Барсова Гора II/3; 44 — сел. Барсова Гора II/4; 45 — сел. Барсова Гора II/5; 46 — сел. Барсова Гора II/9г*; 47 — мест. в устье Бол. Салыма; 48 — сел. Усть-Камчинское 2; 49 — гор. Кинтусовское 1.1; 50 — гор. Кинтусовское II (2); 51 — гор. Кинтусовское 3.1; 52 — гор. Кинтусовское 3.2; 53 — пос. Кинтусовское 3.3; 54 — пос. Кинтусовское 3.5; 55 — пос. Кинтусовское 3.6; 56 — пос. Кинтусовское 3.7; 57 — гор. Кинтусовское IV (4.1)*; 58 — гор. Кинтусовское 9.1 и пос. Кинтусовское 9.2; 59 — гор. Соровское V; 60 — гор. Соровское X; 61 — гор. Соровское XVII; 62 — гор. Соровское XXXV; 63 — сел. Сухая 1; 64 — сел. Сартым-урий 16*; 65 — сел. Сартым-урий 17*; 66 — гор. Сартым-урий 18*; 67 — мест. на оз. Чагыр; 68 — мог. Чагыр IV*; 69 — гор. (пос.) Горное II; 70 — гор. Гришкино I; 71 — пос. Согомское 14; 72 — пос. Согомское 23*; 73 — гор. Танце-Мига; 74 — гор. Чебачье; 75 — гор. Стариков Мыс*; 76 — мест. у д. Тюково (Тюковский курган?)*; 77 — гор. Потчеваш*; 78 — мог. Красноярка IV*; 79 — гор. Красноярское (Красноярка)*; 80–82 — Красноярский археологический комплекс (жилище, погребение, мест.)*; 83 — мог. Усть-Тара VII*; 114 — гор. Усть-Тара 43*; 84 — пос. Ипкульское (Ипкуль) XV*; 85 — мог. Ипкульский*; 86 — мог. Козловский*; 87 — гор. Слоцовское*; 88 — гор. Андрушин Городок*; 89 — сел. на северном берегу Андреевского оз. (СБАО)*; 90 — гор. Павлиново*; 91 — гор. Усть-Утяк 1*; 92 — пос. (сел., святилище) Туманское I*; 93 — сел. Старая Кама; 94 — гор. Исток II; 95 — гор. Мишинское; 96 — гор. Городокское; 97 — сел. Нёх-Урий 1*; 98 — сел. Егур-ях 4*; 99 — сел. Вор-сап 2; 100 — сел. Вор-Сап 4; 101 — сел. Сардыковы; 102 — сел. Варьёган 15; 103 — сел. Усть-Ваньёган 2; 104 — пос. Бол. Ларьяк*; 105 — мог. Нёготский*; 106 — пос. (сел.) Кондрашкино I; 107 — пос. (сел.) Кондрашкино VI; 108 — пос. Малгет*; 109 — пос. Круглое Озеро II*; 110 — сел. Кисловка II*; 111 — сел. Тимирязевское I*; 112 — гор. Тимирязевское III*; 113 — гор. Басандайка IV*; 114 — гор. Усть-Тара 43*; 115 — сел. Мохтикёган 22; 116 — гор. Питлярское; 117 — гор. Несьеган I; 118 — гор. Юган-горт I; 119 — пос. Елисеевский; 120 — пос. Пяку-то I; 121 — мест. Сугмутен-ягун Va; 122 — пос. Хаудымка II; 123 — пос. Нгарка-Едытаяха I.

Примечание. Звездочкой отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи. Места находок некоторых медных или бронзовых предметов (№ 1, 4, 76), сходных с позднекулайскими, к карымским памятникам отнесены условно.

По южным границам карымского ареала, в южно-таежном Притоболье и Прииртышье, выявлены селища и курганные могильники, оставленные мигрировавшими с севера общинами с ярсалинско-карымской, карымской и, возможно, туманской керамикой. Здесь они взаимодействовали с остатками и потомками северных саргатских племен. Со временем на южной границе лесной зоны формируются смешанные (гетерогенные) общины пришельцев и аборигенов с доминированием представителей тех или других этносов. В лесном Притоболье такие коллективы представлены позднесаргатским поселением Ипкуль XV, оставленным смешанным населением, и отчасти синхронным ему Ипкульским могильником, карымским (туманским — по версии В.Д. Викторовой) Козловским могильником, в Среднем Прииртышье — отдельными объектами Красноярского археологического комплекса, карымскими некрополями Красноярка IV и Усть-Тара VII [Чернецов, 1957, с. 162, 164–180; Корякова, 1988, с. 86–87; Корякова и др., 1988, с. 124–128; Скандаков, Данченко, 1999; Данченко, Колесникова, 2000; Зыков, 2006а, с. 113–114; Матвеева, 2008; Грачев и др., 2010], а также ранними памятниками с потчевашской керамикой. Последние были оставлены потомками лесных и лесостепных обществ раннего железного века (позднекулайских саровских, ярсалинских, прииртышских, а также саргатских, кашинских и др.) [Скандаков, Данченко, 1999, с. 168]. В начале средневековья формирование гетерогенной потчевашской культуры происходило при участии карымского населения.

На юго-западе таежного Приобья, в бассейнах Сосьвы, Лозьвы, Пелыма и Тавды, открыты сходные по керамике с карымскими (и даже практически идентичные им) туманские поселения [Викторова, А–1967, с. 146–147; А–1969, рис. 37, II; 1970, с. 261–264; 1999, с. 126–153, рис. 7, 8;

Борзунов, Чемякин, 2006, с. 84–85; Говейлер, 2007; Чемякин, 2008б, с. 219–223¹. По мнению В.Д. Викторовой, выделенные ей памятники туманского типа представляли собой северо-западный вариант общности культур с фигурно-штампованной орнаментацией сосудов. Кроме того, к туманским объектам исследователь отнесла группу памятников в междуречье Туры и Пышмы близ Тюмени (городища Словцовское, Андрюшин городок, Козловский могильник и поселение на северном берегу Андреевского озера). Согласно ее гипотезе, керамика туманского типа появилась здесь в результате миграции и взаимодействия разных групп населения; вторая миграция таежных коллективов с фигурно-штампованной посудой была направлена в бассейн Чепцы [Викторова, 1999, с. 138]. К сожалению, четких критериев отличий туманских памятников от карымских до сих пор не предложено. Хотя мы не исключаем существование здесь локального варианта древностей карымского этапа обь-иртышской КИО. Весьма спорной является и культурная диагностика перечисленных выше памятников из окрестностей Тюмени.

В небольших количествах посуда карымского и близкого ей облика встречается в Нарымском Приобье [Посредников, Киришин, 1970; Чиндина, Балакин, 1976, с. 60, 62, 63, табл. V; Яковлев, 2006], Северном Приуралье [Канивец, 1962, с. 142–143, табл. IX, X; Оборин, 1969, с. 156–157, 162–163, рис. 1, 20], Среднем Приобье [Кайдалов и др., 2010, с. 68–70, рис. 2, 16–17] и низовьях Исети [Среда, культура и общество..., 2009, с. 115, рис. 5.2, 1–3; CD диск: фото 5.1–5.3]. К востоку от основного ареала карымских памятников, на р. Аган в Среднем Приобье, локализируются селища и стоянки с гребенчато-ямочной и желобчато-валиковой керамикой «аганского типа» [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72], на Вахе и в Томско-Нарымском Приобье — ранние поселения релкинской культуры [Чиндина, 1977, 1991].

Л.А. Чиндина и Ю.В. Балакин, говоря о фигурно-штампованной и валиковой посуде релкинского селища Круглое озеро II на р. Шудельке, левом притоке Оби, отмечают ее хронологическую самостоятельность и относительно позднее время существования в рамках релкинской культуры [1976, с. 60, 62, 63, табл. V]. Мы же не исключаем, что это поселение, как и ряд других, будет синхронизировано с карымскими памятниками Сургутского Приобья и определено в интервале IV — начала VI в. Более того, вероятны пересмотр верхней хронологической границы кулайских древностей Томско-Нарымского Приобья и выделение «посткулайского» культурного образования, предшествующего релкинской культуре. Последняя, по нашему убеждению, имеет слишком большой хронологический диапазон (VI–IX вв. [Чиндина и др., 1990, с. 42; Чиндина, 1991, с. 2, 67]) и может быть разделена как минимум на два сменяющих друг друга культурных образования. Точно так же как «растянутые» на тысячелетие кулайские памятники данного района (VI в. до н.э. — V в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 2, 106; Чиндина и др., 1990, с. 38]).

Карымские памятники: краткая история полевого исследования²

Поселения. Всего нам известно более 80 поселенческих памятников с находками карымской керамики (рис.). Как правило, они представлены небольшими комплексами посуды, собранными в ходе разведок и раскопок малой площади на разновременных городищах и селищах. Памятников однослойных или с предполагаемым основным карымским слоем пока немного.

При оценке количества карымских памятников, помимо относительно небольшого количества стационарно исследованных объектов, существует еще одна сложность: отсутствие четких критериев разделения ярсалинского и карымского керамических комплексов. Последнее, в свою очередь, обусловлено их большим сходством (отчасти даже идентичностью), отсутствием раскопанных объектов с чистыми ярсалинскими комплексами, а также нехваткой серьезных сравнительно-типологических и статистических исследований позднекулайской и раннесредневековой посуды западных областей таежного Приобья.

Стационарно и целенаправленно исследовались карымские поселения Нижнего и Сургутского Приобья: на р. Казым и правобережье Оби (раскопки и разведки В.М. Морозова, 1980–1984, 1987 г.), в урочище Барсова Гора у западной окраины Сургута (раскопки Н.В. Федоровой 1973 г., Г.А. Степановой 1989 г.) и на р. Бол. Юган у п. Угут (раскопки Ю.П. Чемякина 2001–2011 гг. при участии Т.Ю. Фефиловой). При этом на трех селищах Нижнего Приобья — Низямы 3, Пере-

¹ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора, перед годом написания работы.

² При составлении списка карымских памятников авторами использовано около 150 публикаций и архивных материалов. Малая толика их приведена в библиографическом списке, завершающем статью. Выражаем благодарность всем исследователям, чьи материалы были упомянуты в нашей работе.

гребное (Перегрёбное) 4, Нангакорка — вскрыты остатки восьми карымских построек. Столько же их исследовано на городищах Барсов городок II/6, 7, 9, 10 на правом берегу Оби в Сургутском Приобье (от одного до трех жилищ на каждом памятнике) [Морозов, 1994, с. 362, 364; Стефанова, Борзунов, 2002, с. 29, 36–43, 48; Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43, 184; Чемякин, 2008а, с. 93–94, рис. 90, 92, 93, 5, 6; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 54–55, 122, 146]. Оригинальное двухкамерное сооружение раскопано на Кучиминском 1 селище в урочище Сайгатино, в 30 км к западу от г. Сургута [Степанова, А–1991, с. 33–35, рис. 52–55]. Одно карымское жилище обнаружено на многослойном поселении Ендырское VII на р. Ендырь, левом притоке Оби в нижнем ее течении (С.Ф. Кокшаров, раскопки 2011 г.). Небольшая углубленная временная или хозяйственная постройка, соотношенная с карымскими древностями, исследована на р. Егур-ях, правом притоке Агана [Яковлев, 2006]. Сегодня ее, возможно, следует отнести к памятникам аганского типа, выделенного К.Г. Карачаровым по материалам раскопок селища Нёх-урий 1 и находкам еще на пяти селищах в бассейне р. Аган [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72]. Вместе с тем выделение его требует большего обоснования и новых исследованных памятников.

Больше всего объектов, включая жилища, хозяйственные и производственные сооружения, вскрыто на левобережье Сургутского Приобья в низовьях Бол. Югана: на городище Сартым-урий 18 — десять, селище Сартым-урий 17 — одиннадцать, селище Сартым-урий 16 — четырнадцать [Чемякин, 2001; 2002; 2003а–г; 2005; 2006; 2008а, с. 93–94, рис. 91, 94; 2008б; 2011б; Чемякин, Фефилова, 2007, с. 115, 120, ил. 4, 5–12, 15, 16; 7, 5, 6; Фефилова, Чемякин, 2008; 2009, с. 243–245, ил. 14; Чемякин, Борзунов, 2012]. Карымские городища и селища, исследованные на протоке Сартым-урий и в урочище Барсова Гора, предоставляют уникальную возможность проследить эволюцию материальной культуры в этот период. Каждый из этих кустов памятников, расположенных на высоких береговых участках длиной соответственно 350 и 600 м, по-видимому, оставлен одной общиной, а входившие в его состав поселения отражали разные (последовательные) стадии ее существования.

Помимо этого, карымские объекты зафиксированы в ходе разведок в составе больших скоплений городищ и селищ в Сургутском Приобье: в верховьях Бол. Салыма — в районе п. Кинтусово и на оз. Бол. Сорском (работы Л.М. Тереховой, Г.П. Визгалова, К.Г. Карачарова, О.В. Кардаша и др.) [Кардаш, А–1996; Ивасько и др., 2000, с. 40–46; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42, карта 5, 7, 8; Чемякин, 2008а, с. 93–94, рис. 91, 3, 4], в среднем течении Бол. Югана — на р. Сухой (разведка К.Г. Карачарова, С.А. Мызникова) [Карачаров и др., 2004, с. 431; Мызников, А–2004, с. 19–20; Фефилова, 2008, с. 288], на р. Ендырь, левом притоке Оби (разведка А.В. Ермоленко) [Ермоленко, 2003; Чемякин, 2008а, рис. 91, 5, 6], на р. Евра на левобережье Конды (разведка С.Ю. Каменского, раскопки С.Ю. Каменского, Е.А. Жирных) [Каменский, 2004, с. 386, 390, ил. 1; Каменский, Жирных, 2006, с. 168–171, ил. 1], на р. Назым, правом притоке Оби (разведка Я.А. Яковлева и А.Н. Кондрашёва) [Яковлев, Кондрашёв, 2006, с. 38–39, 49–50], близ п. Бол. Леуши на правобережье Оби (экспертные работы А.Я. Труфанова, Д.В. Бочкарева, С.А. Гусева) [Труфанов и др., 2003, с. 286–289, ил. 1, 2], а также в ряде других мест (рис.). Один карымский неукрепленный поселок — Быстрый Кульёган 69 — выявлен на малой одноименной реке, левом притоке р. Минчимкиной, в 40 км к западо-северо-западу от г. Сургута (разведка А.А. Погодина, В.А. Борзунова, С.А. Сергеева, В.И. Стефанова) [Погодин А., А–1995, с. 76–77, рис. 117, 118].

Вероятно наличие карымских городищ и селищ среди визуально фиксирующихся остатков поселков эпохи железа на оз. Домашний Сор у п. Согом в Нижнем Прииртышье, где также найдена карымская керамика (натурные обследования Н.М. Попова, З.П. Соколовой, Л.Г. Шориковой, Н.Ю. Поршуковой, В.М. Морозова, Е.А. Зайцевой и др.) [Морозов, 1994, с. 362, 366; Пермьков, 2010, с. 241–249], а также близ п. Ермаково в бассейне Тромъёгана, правого притока Оби (разведки Н.Г. Смирнова, В.М. Морозова, А.А. Нифонтова). На Самаровой горе близ устья Иртыша в черте г. Ханты-Мансийска обнаружено и впоследствии прощурфовано разрушенное карымское городище — поселение Горное II (разведка О.В. Малоземовой и А.П. Зыкова, раскопки Е.А. Зайцевой) [Зайцева, 2007].

О многослойном городище Ус-Толт в бассейне Юконды, частично вскрытом В.Н. Чернецовым, говорилось выше. Одно карымское жилище и «представительная коллекция карымской посуды» обнаружены омскими археологами во время раскопок Красноярского археологического комплекса на правом берегу Иртыша, близ устья Ишима [Скандаков, Данченко, 1999, с. 160–186, рис. 15, 16; Данченко, Колесникова, 2000, с. 154–172, рис. 8; Грачев и др., 2010]. Также на правобережье Иртыша, на р. Зимовная — правом притоке р. Тара, В.В. Михалев в 1991 г. раскопал

участок городища Усть-Тара 43 с находками фигурно-штампованной и гребенчато-желобковой карымской керамики [Михалев, 2008].

Производственные объекты и площадки. Карымские объекты, связанные с обработкой и, возможно, производством железа (кузны, горны, печи, домницы), зафиксированы на поселениях и за их пределами (на металлургических рабочих площадках). Почти все памятники с такими объектами открыты в бассейнах Конды и Бол. Югана. На Конде они целенаправленно исследовались Н.М. Зиняковым (Ирия II, Полуостров Дальний I и др.) [1997, с. 28–29, рис. 3, 2–4, 6–9], С.Ю. Каменским и Е.А. Жирных (городище Евра 25) [2006, с. 168–173], на Бол. Югане — Ю.П. Чемякиным [Чемякин, 2006; 2011б, с. 472, 476, ил. 7; Чемякин, Борзунов, 2012].

Могильники. Единственный известный карымский могильник Среднего Приобья — Сайгатинский VI — исследовался в разные годы Л.М. Тереховой (1989–1990 гг.), Г.А. Степановой (1990 г.) и К.Г. Карачаровым (1990, 1998, 2001–2004, 2007 гг.). Он представлял собой небольшую часть территории и могил обширного некрополя с многочисленными разновременными грунтовыми погребениями IV–XI вв. [Терехова, Карачаров, 1994, с. 279, рис. 42, 1; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; 2002, с. 35, рис. 14, 18; Стефанова, Борзунов, 2002, с. 53, 54, 67; Карачаров, 2003, с. 261; Карачаров, Носкова, 2007]. Остальные погребальные памятники с карымской керамикой сосредоточены на южной кромке леса. Козловский могильник, состоявший из грунтовых захоронений и курганов, расположен в Нижнем Притоболье, на южном берегу Андреевского озера. Памятник изучался В.Н. Чернецовым в 1950, 1955–1956 гг., в 1959–1960 гг. — С.В. Зотовой. Одно или два погребения случайно обнаружены в 1967–1968 гг. В.Т. Ковалевой (Юровской) при раскопках неолитической стоянки. Позднее И.В. Усачева сняла инструментальный план некрополя [Усачева, А–2005]. В 2008 г. работы на памятнике продолжила Н.П. Матвеева [Чернецов, 1957, с. 162, 164–166; Золотарева, 1957, с. 246–249; Юровская, А–1969, с. 17–24; Матвеева, 2008]. Сравнительно неподалеку от него, на оз. Ипкуль, Л.Н. Корякова в 1984–1985 гг. исследовала позднесаргатский Ипкульский курганный могильник, в нескольких насыпях и погребениях которого найдена фигурно-штампованная карымская посуда [Корякова, 1988, с. 46–58, 84–89, 131–134, рис. 3, 1; Корякова и др., 1988, с. 126]. Два курганных карымских могильника (Усть-Тара VII, Красноярка IV) и одиночное захоронение с карымским сосудом (Красноярский археологический комплекс) раскопаны омскими археологами в 1990–1994 и 2009 гг. в среднем течении Иртыша [Скандаков, Данченко, 1999; Грачев и др., 2010, с. 239–240].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: (Опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Прилож. к дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 89.

Кардаш О.В. Отчет о НИР: Археологическое обследование профилей сейсморазведки в окрестностях озера Сорновое, Восточно-Салымское месторождение, 1995 год. Нефтеюганск, 1996 // Архив НПО «Северная археология-1».

Мызников С.А. Отчет о НИР: Историко-культурное обследование земельных участков, испрашиваемых к отводу под объекты обустройства Киняминского, Угутского и Среднеугутского месторождений НГДУ «Майскнефть» в Сургутском районе ХМАО, проведенное летом 2003 года. Нефтеюганск, 2004 // Архив НПО «Северная археология-1».

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Т. 1: Отчет об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Екатеринбург, 1995 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 565.

Степанова Г.А. Отчет о стационарных полевых исследованиях памятников: городища Барсов городок II/10 и Кучиминского селища 1 Сургутского района Тюменской области в 1990 г. Екатеринбург, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15288; Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 486.

Усачева И.В. Отчет об археологической разведке по южному и юго-восточному берегам Андреевского озера в Тюменском районе Тюменской области в 2005 г. // Архив ЛА ИПОС СО РАН. 23/1.

Юровская В.Т. Отчет о работе на Козловой переезде (Андреевское озеро близ г. Тюмени). 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 67.

Литература

- Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV — новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 137–163.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
- Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. С. 96–109.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: Итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 254–270.
- Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище и костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 136–152.
- Говейлер Т.А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволж. археол. студ. конф. Пермь, 2007. С. 187–190.
- Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2010. С. 239–240.
- Данченко Е.М., Колесникова И.М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. Вып. 4. С. 154–172.
- Ермоленко А.В. Новые археологические памятники на р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 284–285.
- Зайцева Е.А. История археологических исследований г. Ханты-Мансийска и некоторые результаты рекогносцировочных работ на поселении Горное II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. Вып. 4. С. 178–184.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. 1957. № 58. С. 247–250.
- Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 332–335.
- Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006а. С. 109–124.
- Зыков А.П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов. Екатеринбург: Волот, 2006б. С. 33–58.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Умытья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 327–331.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН: УрГУ, 1993. С. 65–66.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д.А. Древняя история // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 33–70.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Колмогоров П.А. Средневековый комплекс городища Усть-Утяк 1: Интерпретация и хронология // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 68–74.
- Каменский С.Ю. Разведка в окрестностях г. Урай и р. Евра в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 386–392.
- Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
- Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Сыктывкар: Изд-во Коми ФАН СССР, 1962. Вып. 1. С. 103–144.

- Карачаров К.Г.* Исследования на VI Сайгатинском могильнике в Сургутском районе // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 261.
- Карачаров К.Г.* Вожпайская археологическая культура // УИВ. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. № 14. С. 135–149.
- Карачаров К.Г.* Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 82–110.
- Карачаров К.Г., Морозов В.М., Шатунов Н.В.* О натуральных экспертных работах в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 430–435.
- Карачаров К.Г., Носкова Л.В.* Исследования в Нижневартовском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 179–184.
- Карачаров К., Носкова Л.* Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.
- Кокшаров С.Ф., Зыков А.П.* Железный век тайги // Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: Волот, 1995. С. 13–34.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.* Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 117–129.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Михалев В.В.* Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 223–224.
- Морозов В.М.* Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 342–373.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
- Носкова А.В.* Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 331–339.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // МИА. 1969. № 169. С. 156–167.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «Графо», 2006. 352 с.
- Пермяков В.А.* История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 241–248.
- Посредников В.А., Кирюшин Ю.Ф.* Разведка на реках Вах и Васюган // АО 1969. М.: Наука, 1970. С. 207–208.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Под общ. ред. Л.Н. Коряковой.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Стефанов В.И.* Могильник Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 164–211.
- Стефанова Н.К., Борзунов В.А.* Археология таежного Обь-Иртышья: (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург: Академкнига, 2002. 136 с.
- Сургутский краеведческий музей.* Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.* Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 277–289.
- Труфанов А.Я., Бочкарев Д.В., Гусев С.А.* Историко-культурная экспертиза на территориях первичного освоения ОАО «Сургутнефтегаз» // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 286–290.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Фефилова Т.Ю.* История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 283–295.

Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория...

Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 177–186.

Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus: Археологические изыскания. СПб.: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 19–27.

Чемякин Ю.П. Исследования в окрестностях поселка Угут Сургутского района // Сургут в отечественной истории. Сургут: Изд-во СурГУ, 2001а. С. 24–26.

Чемякин Ю.П. Раскопки городища в Сургутском районе Тюменской области // АО 2000. М.: Наука, 2001б. С. 262–263.

Чемякин Ю.П. Раскопки в окрестностях поселка Угут // АО 2001. М.: Наука, 2002. С. 488–489.

Чемякин Ю.П. Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 38–76.

Чемякин Ю.П. Раскопки селища Сартым-Урий XVII на р. Большой Юган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003б. Вып. 1. С. 253–255.

Чемякин Ю.П. Охранные работы в окрестностях поселка Угут // АО 2002. М.: Наука, 2003в. С. 431–432.

Чемякин Ю.П. Памятники карымского времени в окрестностях с. Угут // Бахлыковские чтения-2003. Сургут: Сургут. тип., 2003. С. 33–44.

Чемякин Ю.П. Охранные исследования средневековых памятников в окрестностях поселка Угут // АО 2004. М.: Наука, 2005. С. 501–503.

Чемякин Ю.П. Раннесредневековые кузны на севере Западной Сибири // Производственные центры: Источники, «дороги», ареал распространения. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 207–213.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008а. 224 с.

Чемякин Ю.П. Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008б. Т. 3. С. 78–81.

Чемякин Ю.П. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008в. С. 219–223.

Чемякин Ю.П. Древнейшие кузны в таежном Приобье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. 2. С. 110–111.

Чемякин Ю.П. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011б. Вып. 9. С. 467–481.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 291–339.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2004. 208 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чемякин Ю.П., Морозов В.М. Охранные раскопки Сургутской экспедиции // АО 2005. М.: Наука, 2006. С. 528–530.

Чемякин Ю.П., Некрасов А.Е. Материалы по рыболовству раннесредневекового населения бассейна Средней Оби // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИргТУ, 2007. С. 198–201.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 5. С. 111–121.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследования средневековых памятников в окрестностях поселка Угут // АО 2006. М.: Наука, 2009. С. 672–673.

Чернецов В.Н. Зеленая Горка близ Салехарда // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 67–74.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 181 с.

Чиндина Л.А., Балакин Ю.В. Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 45–64.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т. 1. 340 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. Об основаниях абсолютной датировки некоторых типов художественной металлопластики из памятников Нижней Оби // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 58–69.

Яковлев Я.А. Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 185–204.

Яковлев Я.А., Кондрашёв А.Н. Первое обследование объектов историко-культурного наследия в бассейне р. Назыма // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 4. С. 38–82.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@usu.ru
yury-che@yandex.ru

The article describes a brief history of identification and revision of the contents regarding the Karym stage in development of taiga communities in West Siberia. A chronology of the Karym stage being early Middle Ages (IV — early VI cc. A.D., or the border of III–IV — early VI cc. A.D.) The territory of coverage by the Karym sites being western and central parts of the taiga Low Ob basin.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym sites, history of study, chronology, territory of coverage.